ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ≡ И СВЯТАЯ СОФІЯ. ≡

(Публичная лекція).

Изданіе 2-е.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1915.

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ,

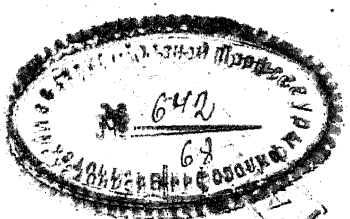
КОНСТАНТИНОПОЛЬ ≡ И СВЯТАЯ СОФІЯ. ≡

(Публичная лекція).

Изданіе второе.

„Пров 38“

945

825
39

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1915.

I.

Среди вопросовъ, выдвинутыхъ настоящей войной, вопросъ о Константинополѣ имѣетъ для Россіи особый интересъ и важность.

Всѣми сторонами нашей жизни мы съ нимъ связаны. Это для насъ—вопросъ и *о нашемъ хлѣбѣ насущномъ* и обо всемъ *нашемъ политическомъ могуществѣ и о нашей культурной миссіи*, о самомъ *духовномъ* я Россіи.

Во-первыхъ, едва ли не три четверти вывозимаго нами хлѣба проходитъ черезъ проливы; и, сталобыть, вопросъ о проливахъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ обо всемъ экономическомъ настоящемъ и будущемъ Россіи, о возможности для насъ другихъ кормить и самимъ этимъ питаться, зарабатывать себѣ самыя средства существованія.

Во-вторыхъ, съ экономическимъ вопросомъ неразрывно связанъ и вопросъ обо всемъ политическомъ бытіи и обо всемъ политическомъ могуществѣ Россіи. Теперь, когда Турція стала чѣмъ-то въ родѣ германскаго швейцара у русскаго подъѣзда, вопросъ поставленъ необыкновенно рѣзко и остро.

Россія должна быть или *заперта въ проливахъ* враждебной ей силой могущественнѣйшей міровой державы — Германіи и, слѣдовательно, впасть въ полную матеріальную зависимость отъ нея; или же

она должна такъ или иначе *господствовать надъ проливами*, чѣмъ создается для нея въ свою очередь положеніе величайшей міровой державы.

Для слабой Турціи проливы—непосильное бремя и источникъ непрестанно возрождающейся внѣшней опасности. Напротивъ, для державы могущественной, какою была въ древности Византійская имперія и каковыми въ настоящее время являются Россія и Германія, это—ключъ къ господству надъ широкими морями и надъ еще болѣе обширными землями, ихъ окружающими. Иначе говоря, это — *Царьградъ* въ полномъ смыслѣ этого слова. Именно въ качествѣ *Царьграда по природѣ* Константинополь былъ избранъ въ столицы Константиномъ и именно *Царьградомъ* онъ всегда былъ для Россіи, въ теченіе всего ея историческаго существованія.

Наконецъ, *въ-третьихъ*, Константинополь—та купель, изъ которой предки наши приняли крещеніе и мѣсто нахожденія великой православной святыни, которая оказала могущественное опредѣляющее вліяніе на духовный обликъ православной Россіи. Я говорю, разумѣется, о храмѣ святой Софіи, превращенномъ турками въ мечеть. Волею судебъ именно съ этимъ храмомъ связано самое глубокое и цѣнное, что есть въ нашей душѣ народной — центральная идея русской религіозности, а по тому самому — и религіозная миссія Россіи—та ея евангельская жемчужина, ради которой она должна быть готова отдать все, что имѣетъ. Обладаніе проливами можетъ оказаться необходимымъ Россіи какъ обезпеченіе ей хлѣба насущнаго, обладаніе Царьградомъ — какъ условіе ея государственнаго могущества и значенія. А храмъ святой Софіи — выражаетъ для нея тотъ

смыслъ ея народной жизни, безъ коего ни богатство народное, ни могущество, ни даже существованіе нашего народа не можетъ имѣть ни малѣйшей цѣны— то, ради чего стоитъ жить Россіи, то, что составляетъ единственно возможное оправданіе ея существованія и то, *во имя чего* она ведетъ теперь борьбу не на жизнь, а на смерть противъ соединенныхъ силъ германо-австрійскаго Запада и турецкаго Востока. Всѣ вопросы русской жизни, поднятые настоящею войною, такъ или иначе завершаются этимъ однимъ, центральнымъ вопросомъ,—удастся ли Россіи возстановить поруганный храмъ и вновь явить міру погашенный турками свѣточъ.

Я говорю здѣсь, разумѣется, не объ архитектурно археологической реставраціи софійскаго храма, а о всеобъемлющей религіозной и культурной задачѣ. Чтобы понять, что это за задача, надо отдать себѣ отчетъ въ значеніи идеи святой Софіи въ русской религіозности.

Въ почитаніи святой Софіи въ православномъ вѣроученіи и въ особенности въ православной иконописи и богослуженіи есть двѣ одинаково существенныя черты, которыя для поверхностнаго взгляда могутъ показаться противорѣчивыми. Съ одной стороны, Софія—та вѣчная Премудрость, которою Богъ сотворилъ міръ, и притомъ не какую-либо часть міра, не какой-либо планъ бытія, а *весь* міръ горній и земной: въ церковномъ пѣснопѣніи въ началѣ всенощнаго бдѣнія такъ и говорится: «*вся Премудростію сотворилъ еси*»; съ другой стороны, наше православное благочестіе всегда видитъ Софію въ *человѣческомъ* образѣ. *Человѣчность Премудрости Божіей*—вотъ самое парадоксальное и самое своеобразное, что только

есть въ идеѣ св. Софіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ это—и самое глубокое въ ней, то самое, что сообщаетъ ей центральное значеніе въ православномъ и въ частности, въ русскомъ религіозномъ пониманіи.

Богъ въ Премудрости Своей сотворилъ весь міръ: это значитъ, что въ Премудрости Своей Богъ отъ вѣка *провидѣлъ и предначерталъ* всю тварь небесную и земную; изъ этого слѣдуетъ что «Софія» есть тотъ міръ вѣчныхъ идей или первообразовъ, которые были положены Богомъ въ основу творенія. Такъ и понимали «Премудрость» отцы Церкви, напр. Оригенъ и Августинъ. Первообразы эти не слѣдуетъ смѣшивать съ тварью, какъ она есть въ своемъ нынѣшнемъ, несовершенномъ видѣ: это—тварь въ совершенной и окончательной своей формѣ,—тварь, какъ она должна быть въ вѣчности,—тварь, какой ее хочетъ Богъ. Это—Божья мысль и вмѣстѣ Божья воля о твари. Надъ каждымъ немощнымъ, грѣшнымъ и страждущимъ сотвореннымъ существомъ Богъ отъ вѣка провидитъ тотъ прекрасный, совершенный его образъ, ту идею, которая *должна* раскрыться въ немъ. Въ совокупности своей весь міръ идей о сотворенномъ и есть «Софія». Это—не отвлеченное понятіе или умопредставленіе, а вѣчная *реальность въ Богѣ*. Эти вѣчные первообразы, въ которыхъ Богъ отъ вѣка созерцаетъ все, этотъ предвѣчный *замыселъ* Божій о твари—безконечно ярче, красочнѣе, живѣе и реальнѣе всѣхъ тѣхъ блѣдныхъ, несовершенныхъ отраженій этого замысла, которыя мы находимъ *здѣсь, въ нашей* дѣйствительности и жизни.

Во образѣ Софіи наше религіозное благочестіе видитъ *весь міръ*—не нынѣшній, а *грядущій* міръ,

какимъ онъ долженъ быть увѣковѣченъ въ Богѣ; но въ высшей своей формѣ этотъ міръ—человѣченъ.

Въ замыслѣ Божіемъ о мірѣ человѣкъ есть центръ: все создается ради него; все приводится къ нему: человѣкъ и есть образъ Божій въ собственномъ смыслѣ,—и вотъ почему Премудрость Божія—человѣчна. Въ этомъ и заключается разрѣшеніе отмѣченнаго только что парадокса: съ одной стороны, въ Софіи — *весь міръ*, а съ другой стороны, высшее религіозное вдохновеніе воспринимаетъ ее въ видѣ человѣческаго женственнаго образа, сидящею на престолѣ. Именно такою изображаетъ Софію величайшій изъ русскихъ ея поэтовъ и философовъ.

И въ пурпурѣ небеснаго блистанья
Очами, полными лазурнаго огня,
Глядѣла ты, какъ первое сіянье
Всемірнаго и творческаго дня.

* * *

Что есть, что было, что грядетъ вовѣки—
Все обнялъ тутъ одинъ недвижный взоръ;
Синѣютъ передо мной моря и рѣки
И дальній лѣсъ и выси снѣжныхъ горъ.

* * *

Все видѣлъ я, и все одно лишь было,
Одинъ лишь образъ женской красоты,
Безмѣрное въ его размѣръ входило
Передо мной, во мнѣ—одна лишь ты.

Какъ вѣчный замыселъ Божій Софія объемлетъ собою весь міръ, связанный какъ цѣлое единой

мыслью, *единымъ Духомъ Божіимъ*: поэтому и человѣческій образъ ея выражаетъ собою не какое-либо отдѣльное человѣческое лицо и не внѣшнюю механическую совокупность.—Мы имѣемъ здѣсь *все человѣчество*, собранное во единое живое существо; и тутъ находитъ себѣ примѣненіе вѣщее слово поэта о Софіи: «все видѣлъ я и все одно лишь было».

Не первый Соловьевъ такъ выразилъ видѣнье Софіи. Совершенно въ томъ же образѣ созерцали ее наши отдаленные предки, пріявшіе отъ грековъ христіанскую вѣру. Уже самый фактъ повсемѣстнаго построенія храмовъ святой Софіи въ древней Руси тотчасъ по обращеніи ея изъ язычества свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ здѣсь центральное религіозное представленіе, которое для русскаго религіознаго сознанія представляетъ совершенно исключительную цѣнность.—Каково содержаніе этого представленія, объ этомъ мы узнаемъ преимущественно изъ памятниковъ древней русской иконописи. Въ особенности яркими и типичными представляются тѣ изображенія Софіи, которыя мы находимъ въ Софійскомъ храмѣ въ Новгородѣ и въ Москвѣ—на наружной стѣнописи Успенскаго собора.

Объ этомъ да будетъ мнѣ позволено разсказать краснорѣчивыми словами Владиміра Соловьева.

«Посреди главнаго образа въ старомъ новгородскомъ соборѣ (временъ Ярослава Мудраго) мы видимъ своеобразную женскую фигуру въ царскомъ одѣяніи. По обѣ стороны отъ нея, лицомъ къ ней и въ склоненномъ положеніи, справа Богородица византійскаго типа, слѣва—Іоаннъ Креститель; надъ сидящею на престолѣ поднимается Христосъ съ воздѣтыми руками, а надъ нимъ виденъ небесный міръ

въ лицѣ нѣсколькихъ ангеловъ, окружающихъ Слово Божіе, представленное подъ видомъ книги — Евангелія».

Нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, что это великое царственное и женственное существо изображаетъ собою не что иное, какъ истинное и полное человѣчество. Въ самомъ дѣлѣ, въ изображеніи оно противополагается и Сыну Божію и ангеламъ и Богоматери, ибо отъ нея оно пріемлетъ почитаніе

Если оно при этомъ называется «Софіей» или Премудростью Божіей, то, очевидно, потому, что оно выражаетъ собою замыселъ Божій о человѣчествѣ, а черезъ человѣчество—и о всемъ мірѣ.

Человѣчество, собранное Духомъ Божіимъ въ одно цѣлое и въ этомъ видѣ обоженное,—вотъ высшее выраженіе замысла Божія о мірѣ, вотъ что должно *царствовать въ мірѣ*.—Таковъ смыслъ этого образа св. Софіи, сидящей на престолѣ.

Отсюда ясно, почему въ христіанскомъ жизнепониманіи нашихъ предковъ этотъ образъ имѣлъ столь центральное, опредѣляющее значеніе. *Человѣчность божества*, вотъ что имъ дорого въ ихъ представленіи о «Софіи». Замѣтимъ, что эта черта выражается не только въ этомъ представленіи: она проникаетъ собою насквозь все религіозное настроеніе православія и особенно ярко выражается въ стѣнописи православныхъ храмовъ. Въ нихъ молящійся приходитъ въ соприкосновеніе не съ пустымъ и абстрактнымъ абсолютнымъ, а съ цѣлымъ міромъ, густо населеннымъ живыми образами, съ міромъ Божескимъ и человѣческимъ въ одно и то же время.

Со всѣхъ сторонъ онъ смотритъ на молящихся миріадами человѣческихъ очей. И среди этого бого-

человѣческаго міра—Софія—Премудрость—не можетъ не занимать центральнаго мѣста. Совершенно естественно она опредѣляетъ самую сущность религіознаго настроенія. Ибо для религіознаго чувства не можетъ быть ничего важнѣе и цѣннѣе вѣры въ *человѣчность* Божественной Премудрости и въ возможность для человѣка стать сосудомъ Божественнаго.

Отсюда видно, какой призывъ и какой религіозный идеалъ заключается въ этомъ чудесномъ имени «Софія».—Это—призывъ къ осуществленію вѣчнаго первообраза всей твари, а, стало-быть, прежде всего—къ осуществленію того совершеннаго, цѣлостнаго и чистаго человѣчества, которое древніе иконописцы—греческіе и русскіе—видѣли сидящимъ на престолѣ, гого человѣчества, которое достойно быть увѣковѣченнымъ и достойно царствовать надъ тварью.

Нынѣшнее человѣчество разорвано и раздроблено. Собственно единаго человѣчества въ нашей дѣйствительности нѣтъ вовсе: есть оторванныя другъ отъ друга, замкнувшіяся въ своемъ эгоизмѣ личности, взаимно-враждебные и пожирающіе другъ друга народы, разрозненныя и проклинающія другъ друга исповѣданія и религіозныя общины. Человѣчество грѣховно и потому мертво; но духовидцы, писавшіе Софію, видѣли его святымъ и по тому самому безсмертнымъ, единымъ и цѣлостнымъ. Возстановленіе поврежденной цѣлости человѣчества и всей твари—вотъ къ чему горѣло у нихъ сердце.

Но возстановленіе цѣлости распавшагося живого цѣлаго есть то же, что преодолѣніе смерти, воскресеніе, и именно эта благая вѣсть связывается въ религіозномъ почитаніи съ образомъ Софіи. Рас-

паденіе живого цѣлаго на части есть то же, что смерть; напротивъ—возстановленіе живой связи распавшагося цѣлаго есть то же, что воскрешеніе. Если Софія собираетъ все человѣчество и весь міръ въ одно живое цѣлое, это значитъ, что она воскрешаетъ. Только представивъ себѣ конкретно это живое человѣкообразное существо, сидящее на престолѣ, — мы проникнемъ въ тотъ глубокій жизненный смыслъ, который оно собой олицетворяетъ. Я повторяю, то, что наша иконопись видитъ въ Софіи, не есть отвлеченное понятіе; это—не абстрактное единство человѣческаго рода, а живой духовный организмъ,—соборъ существъ, связанныхъ Духомъ Божіимъ въ одно живое существо. У каждаго человѣческаго индивида и у каждаго народа въ Софіи есть своя особая индивидуальная идея, свой особый престолъ и вѣнецъ, своя обитель и своя слава. Вѣдь именно о ней сказано въ Евангеліи: «въ домѣ отца моего обителей много»; но въ этихъ обителяхъ Премудрости всѣ живы, ибо она выражаетъ собою единую совершенную жизнь, наполняющую всѣхъ, и всѣ призваны царствовать: ибо въ ея лицѣ возсѣдаетъ на престолѣ весь соборъ человѣческихъ существъ, напоенныхъ однимъ и тѣмъ же Духомъ Божіимъ.

Неудивительно, что съ образомъ св. Софіи наша народная душа всегда, изстари связывала величайшую свою надежду и величайшую свою радость. И напрасно было бы думать, что глубина сокрытой въ немъ мысли доступна только людямъ развитымъ и образованнымъ. Какъ разъ наоборотъ,—именно для людей высокообразованныхъ она чаще всего служитъ камнемъ преткновенія. Гораздо ближе она къ нашему народному жизнепониманію. Доказательствомъ да

послужатъ слѣдующія мои личныя воспоминанія. Четыре года тому назадъ я возвращался въ Россію изъ далекаго заграничнаго путешествія черезъ Константинополь.

Утромъ въ мечети св. Софіи мнѣ показывали на стѣнѣ слѣды кровавой пятерни султана, залившаго христіанской кровью этотъ величайшій изъ православныхъ храмовъ въ день взятія Константинополя. Перебивъ молящихся, искавшихъ тамъ убѣжища, онъ вытеръ руку о колонну, и этотъ кровавый слѣдъ показывается тамъ до сихъ поръ. Тотчасъ послѣ этого осмотра, я очутился на палубѣ русскаго парохода, шедшаго въ Одессу изъ Палестины, и сразу почувствовалъ себя въ родной атмосферѣ.

На той же палубѣ собралась тысячная толпа русскихъ крестьянъ — богомольцевъ, возвращавшихся изъ святой земли на родину. Истомленные долгимъ странствованіемъ, плохо одѣтые и полуголодные, они запивали водою черствый хлѣбъ, продѣлывали тутъ же кое-какія будничныя подробности незамысловатаго туалета и слушали полулежа разсказы про Константинополь, про его храмы слышали, конечно, и про кроваваго султана и про рѣки христіанской крови, которыя вотъ уже пять слишкомъ вѣковъ періодически льются въ этомъ когда-то христіанскомъ царствѣ.

Не могу передать, до чего я былъ взволнованъ этимъ зрѣлищемъ. Я видѣлъ родину въ Константинополѣ. Тамъ на горѣ изъ глазъ моихъ только что скрылась освѣщенная солнцемъ святая Софія, а теперь передо мной на палубѣ—русская деревня. И вотъ, когда пароходъ нашъ тихо тронулся вдоль Босфора съ его мечетями и минаретами—вся толпа твердо

и торжественно, но почему-то *вполголоса* запѣла «Христосъ воскресе».

Какой глубокій многовѣковой инстинктъ послышался въ этомъ пѣніи, и сколько въ немъ сказалось душевнаго такта. Какой другой отвѣтъ могъ найтись въ ихъ душѣ на то, что они слышали объ этомъ храмѣ, о туркахъ, его осквернившихъ, и о ихъ многовѣковомъ мучительствѣ по отношенію къ подвластнымъ племенамъ— *кромѣ радости всеобщаго воскресенія для всѣхъ людей и для всѣхъ народовъ*! Я не знаю, былъ ли этотъ отвѣтъ сознательнымъ; для меня не важно, думали или не думали при этомъ крестьяне о самомъ храмѣ святой Софіи: важно то, что въ ихъ пѣньи подлинная Софія выразилась такъ, какъ ни одинъ философъ или богословъ не могъ бы ее выразить! Крестьяне, пѣвшіе «Христосъ воскресе», едва ли могли бы толково разсказать о ней или высказать ея сущность въ понятіяхъ. Но въ ихъ религіозномъ переживаніи было то, что неизмѣримо больше и глубже всякаго понятія: надъ звѣринымъ турецкимъ царствомъ, гдѣ льется кровь подвластныхъ народовъ, ихъ духовный взоръ провидѣлъ единое человѣчество, собранное вмѣстѣ любовью въ радости свѣтлаго Христова Воскресенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ они почувствовали, что эту несбывшуюся еще радость, эту надежду, которая вѣками живетъ въ душѣ народной, теперь, въ центрѣ турецкаго владычества можно выразить только *вполголоса*. Ибо, доколѣ не упразднено это владычество и связанные съ нимъ нравы,—Софія еще далеко отъ насъ: она—въ другой, высшей сферѣ, въ другомъ планѣ бытія. Придетъ время, когда небо сойдетъ на землю, и предвѣчный замыселъ о человѣчествѣ осуществится. Тогда громко

и властно прозвучитъ тотъ гимнъ, который *пока* поется вполголоса.

Едва ли нужны другія доказательства того, что Софія живетъ и дѣйствуетъ въ нашей народной душѣ. Мы, мыслящіе люди, много читаемъ о Софіи, много о ней пишемъ и размышляемъ. Но чтобы *видѣть* и *осязать* ея дѣйствіе, нужно переживать то, что переживали, и о чемъ пѣли тѣ крестьяне на пароходѣ.

II.

Таковъ религіозный смыслъ воздвигнутаго въ Константинополѣ храма. Онъ дѣлаетъ понятной какъ историческую судьбу этой святыни, такъ и связь ея съ судьбами Россіи.

Не случайно то, что храмъ св. Софіи выстроенъ именно въ Константинополѣ: по мысли Константина, этотъ городъ олицетворяетъ собою второй—*христіанскій* Римъ въ противоположность первому—*языческому*. Если первый, языческій Римъ властвовалъ надъ народами *во имя свое*, то, «городъ Константина», по мысли его основателя, долженъ былъ положить въ основу своего владычества объединеніе народовъ во Христѣ и черезъ церковь. Въ такомъ городѣ человѣчество, собранное воедино Премудростью во Христѣ и во имя Христово царствующее, выражаетъ собою самый смыслъ и оправданіе властвованія. Въ этомъ центрѣ, гдѣ скрещиваются пути многихъ племенъ и народовъ, Софія выражаетъ именно то, что должно ихъ объединять и служить началомъ ихъ общаго *царства*. Неудивительно, что здѣсь идея святой Софіи органически срослась съ мѣстностью. Идея эта—то самое, во имя чего *дол-*

женъ былъ владычествовать Константинополь. Повидимому, такъ и понималъ смыслъ храма св. Софіи его строитель—Юстиніанъ: извѣстно, что этотъ храмъ былъ построенъ въ 532—537 гг. въ память объ усмиреніи бунта, во время котораго этотъ императоръ едва не лишился престола. Сооруженіемъ этого храма и его посвященіемъ Юстиніанъ, очевидно, хотѣлъ показать, что именно въ Софіи онъ видитъ незыблемое основаніе своего царствованія. Это дѣлаетъ въ высокой степени вѣроятнымъ, что оригинальное греческое изображеніе Софіи было весьма похоже на новгородскую престольную икону. Царственный обликъ Софіи, сидящей на престолѣ съ камнемъ подъ ногами, какъ нельзя болѣе ясно выражаетъ собою эту мысль о твердомъ христіанскомъ основаніи и о христіанскомъ *принципѣ* царства.

Въ дѣйствительности Византійская имперія, христіанская только по имени, языческая по своей жизни,—не только не осуществляла этого христіанскаго своего начала, исповѣданнаго Юстиніаномъ, но находилась въ полномъ съ нимъ противорѣчіи. И въ этомъ заключается объясненіе дальнѣйшей исторической судьбы константинопольской святыни—утраты ея греками и завоеванія ея турками.

Если бы въ пятнадцатомъ вѣкѣ у христіанскихъ народовъ горѣло сердце къ св. Софіи, народы, собранные ею во Христѣ, конечно, составляли бы одно живое и великое цѣлое. Плотнымъ кольцомъ они окружили бы Константинополь и не допустили бы туда турецкія рати. Храмъ св. Софіи могъ превратиться въ турецкую мечеть только потому, что христіанская имперія утратила свое духовное оправданіе и подлинная Софія не жила въ христіан-

скихъ душахъ. Тутъ утрата матеріальная была лишь внѣшнимъ выраженіемъ утраты идейной, духовной.

Когда въ растлѣнной Византіи
Угасъ Божественный алтарь,
И отреклися отъ Мессіи
Народъ и князь, іерей и царь,

* * *

Тогда поднялся отъ востока
Народъ безвѣстный и чужой,
И подъ ударомъ тяжкимъ рока
Во прахъ склонился Римъ второй.

Дальнѣйшая судьба софійскаго храма также полна глубокаго символическаго смысла. Завладѣвши христіанской святыней, турки, разумѣется, не могли упразднить той вѣчный правды, которую она собою выражала: подлинная св. Софія-Премудрость Божія осталась все та же, ибо не измѣнилъ Богъ Своего замысла о человѣчествѣ и твари; но только этотъ замыселъ на время скрылся отъ недостойныхъ человѣческихъ глазъ. Софія ушла отъ нихъ въ какую-то запредѣльную область, въ какой-то невидимый намъ планъ бытія, откуда она вновь явится и заблистаетъ на землѣ вѣчной своею славою, когда народится въ мірѣ новое человѣчество, достойное стать ея выразителемъ и носителемъ. Символически эта судьба религіозной идеи выразилась въ замѣчательномъ внѣшнемъ фактѣ: иконоборцы-турки не разрушили софійскаго храма, а только покрыли тонкимъ слоемъ штукатурки христіанскія мозаичныя изображенія на его стѣнахъ.—И въ числѣ этихъ изображеній ликъ св. Софіи остается замазаннымъ, доколѣ не завладѣетъ Константинополемъ новый

христіанскій народъ, который сниметъ съ нея эту турецкую замазку. Но этотъ подвигъ станетъ возможнымъ только тогда, когда у христіанъ вновь возгорится сердце къ св. Софіи; соотвѣтственно съ этимъ онъ налагаетъ великую обязанность и великую историческую отвѣтственность на того, кто его совершитъ. Христіанскій народъ, который завладѣетъ Царьградомъ, долженъ имѣть *въ душѣ своей* то, во имя чего съ лика св. Софіи можетъ быть снята турецкая замазка; тѣмъ самымъ онъ беретъ на себя обязательство вновь возжечь погашенный турками свѣтильникъ. Ему недостаточно вновь сдѣлать доступнымъ созерцанію ликъ св. Софіи: онъ долженъ явить ее *въ своихъ дѣлахъ*: только тотъ имѣетъ право завладѣть Константинополемъ, кто предварительно овладѣетъ этимъ духовнымъ его смысломъ.

Сознаніе этой связи между внѣшнимъ фактомъ господства надъ Царьградомъ и внутреннимъ его смысломъ выразилось въ очень древнемъ нашемъ національномъ и церковномъ преданіи. Есть извѣстное сказаніе о нападеніи на Царьградъ языческой Руси при Аскольдѣ и Дирѣ. Тогда патріархъ съ молитвой погрузилъ въ волны ризу Богоматери, и Владычица защитила городъ: поднялась буря и разметала по морю русскія ладьи. Замѣчательно, что это событіе, на ряду съ отраженіемъ другихъ языческихъ ордъ отъ Царьграда, увѣковѣчено особымъ церковнымъ пѣснопѣніемъ—«Взбранной Воеводѣ побѣдительная»—самымъ радостнымъ изо всѣхъ, какія поются у насъ на всенощномъ бдѣніи.—Признаюсь, что смыслъ этого пѣснопѣнія былъ для меня долго непонятенъ: я недоумѣвалъ, какъ можетъ русская Церковь, которая непрестанно молится о ниспосланіи

№

побѣды нашему христолюбивому воинству, радоваться о томъ, что нѣкогда русская рать, направлявшаяся къ Константинополю, была потоплена. И только недавно я почувствовалъ, какая возвышенная любовь къ Россіи выражается въ этой молитвѣ.

Церковь радуется тому, что высшая чудодѣйственная сила не допустила насъ завладѣть Царьградомъ, пока Русь была языческою ордою: этимъ Россія была спасена отъ осквернения той самой святыни, которой она призвана служить.

Впослѣдствіи та же самая святыня иначе защитила столицу Византіи отъ русскихъ нападеній: она прикрѣпила къ ней Русь внутренними духовными узами. Послѣ принятія крещенія связь Россіи со святой Софіей выразилась въ повсемѣстномъ сооруженіи храмовъ св. Софіи въ древнихъ русскихъ городахъ. Впослѣдствіи идейная преемственная связь между нами и греками выразилась между прочимъ въ томъ, что только русское благочестіе сохранило въ цѣлости высшее созданіе греческаго религіознаго генія. О томъ внутреннемъ духовномъ содержаніи, которое нѣкогда выражалъ собой софійскій храмъ въ Константинополѣ, можно судить почти исключительно по русскимъ его воспроизведеніямъ. Въ особенности образъ св. Софіи въ новгородскомъ соборѣ, наружная стѣнопись Успенскаго собора въ Москвѣ и еще нѣкоторыя древне-русскія изображенія даютъ возможность догадываться о томъ, что скрывается подъ турецкою штукатуркою въ Софійской мечети. Духовно и матеріально заслуга Россіи выразилась въ самомъ *сохраненіи образа св. Софіи* въ религіозномъ сознаніи и въ живописи. Въ связи съ этимъ въ русскомъ народномъ сознаніи сохранился и образъ

христіанскаго царства, какимъ оно должно быть. Эта религіозно-политическая идея, какъ извѣстно, пережила паденіе Константинополя и сочеталась съ мечтою о московскомъ *третьемъ Римѣ*, который долженъ замѣнить собою павшій *второй Римъ*. Тутъ образовалось то смѣшеніе истиннаго и ложнаго, вселенскаго христіанства и языческаго національнализма, которое еще и до сихъ поръ можно наблюдать въ русскомъ религіозномъ сознаніи.

Съ одной стороны, паденіе Константинополя дало сильный толчокъ русской религіозной мысли: оно пробудило въ русскихъ людяхъ сознаніе выпавшей на долю Россіи религіозной миссіи, унаслѣдованной отъ Византіи. Съ другой стороны, оно же вызвало въ русскомъ обществѣ то самомнѣніе, ту *національную гордость*, которая является наиболѣе опаснымъ врагомъ всякаго религіознаго призванія и подвига.

Сознаніе религіознаго призванія выразилось въ глубокомысленныхъ и поэтическихъ сказаніяхъ о бѣгствѣ святыхъ и святынь изъ павшихъ центровъ древняго благочестія въ Москву. Таковы, напр., сложившіяся въ XV—XVI вв. сказанія о приплытіи преподобнаго Антонія римлянина на камнѣ со святынями въ Новгородъ и о чудесномъ переселеніи чудотворной Тихвинской иконы Божіей Матери съ византійскаго Востока на Русь [1]). Само собою разумѣется, что подобныя сказанія будили вѣру въ русскій народъ и звучали для него какъ бодрящій призывъ къ подвигу—къ *дѣятельному служенію святынямъ*, отнынѣ нашедшимъ себѣ убѣжище въ Рос-

[1]) См. В. О. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, т. III, 377—378.

сіи. Но, къ сожалѣнію, это сознаніе близости святыни, которое должно было прежде всего *побуждать къ усовершенствованію*, затмевалось горделивою мечтою о совершенствѣ, *уже достигнутомъ* Россіей, и о превосходствѣ ея надъ другими народами. По словамъ В. О. Ключевскаго, «органическій порокъ древне-русскаго церковнаго общества состоялъ въ томъ, что оно считало себя единственнымъ истинно-правовѣрнымъ въ мірѣ, свое пониманіе Божества исключительно правильнымъ, Творца вселенной представляло своимъ собственнымъ русскимъ Богомъ, никому болѣе не принадлежащимъ и невѣдомымъ, свою помѣстную Церковь ставило на мѣсто вселенской» [1]).

Борьба этихъ двухъ противоположныхъ теченій—вселенски-христіанскаго и націоналистическаго—языческаго продолжается въ нашемъ народномъ сознаніи до сего времени. И отъ того, какое изъ этихъ двухъ началъ побѣдитъ въ русской душѣ, всецѣло зависитъ осуществленіе Россіей той миссіи, которая выражается въ идеѣ св. Софіи.

Націонализмъ не только противоположенъ этой идеѣ въ корнѣ и въ существѣ: онъ представляетъ собою прямое возстаніе противъ нея, дѣятельное ея отрицаніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ Софіи всѣ племена земныя собраны въ одно цѣлое человѣчество: въ ней не только всѣ люди—*всѣ народы* призваны совмѣстно царствовать. Во образѣ Софіи открывается тотъ самый замыселъ Божій о человѣчествѣ, который обнаружился въ Пятидесятницѣ: тамъ собрались въ Іерусалимѣ всѣ народы подъ небесами, и каждый

---

[1]) Тамъ же, 383.

изъ нихъ воспринималъ языкъ апостоловъ, какъ свой собственный, родной. Это самое единство всѣхъ языковъ въ замыслѣ Божіемъ воспринимается религіознымъ сознаніемъ и въ Софіи. Какъ разъ наоборотъ, націонализмъ представляетъ собою именно *отрицаніе* этого всеединства человѣчества, ибо онъ утверждаетъ *одинъ народъ противъ всѣхъ*. Совершенное осуществленіе св. Софіи на землѣ есть то же, что полное преображеніе всего земного, окончательная побѣда надъ грѣхомъ и смертью и всеобщее свѣтлое воскресеніе во Христѣ. Ясно, что *полное* раскрытіе этой святыни не вмѣщается въ предѣлы нашего здѣшняго земного существованія. Стало-быть, въ здѣшнемъ человѣчествѣ возможно лишь несовершенное, частичное обнаруженіе «Софіи»—лишь нѣкоторый отблескъ будущей ея славы. Но даже для осуществленія этого несовершеннаго ея отблеска въ жизни народовъ отъ нихъ требуется великій подвигъ и высокій подъемъ духовный. Въ особенности одно непремѣнное условіе долженъ выполнить народъ, который въ «Софіи» утверждаетъ свое религіозное служеніе и миссію. Онъ долженъ дѣломъ показать, что онъ дѣйствительно носитъ въ душѣ своей единое, царствующее во Христѣ человѣчество,—ибо въ этомъ и заключается то первое, основное, о чемъ говоритъ намъ образъ Софіи.

Братоубійственный раздоръ народовъ, живущихъ по закону звѣриному,—вотъ что дѣлаетъ невозможнымъ это видѣніе единаго человѣчества, объединеннаго въ Богѣ. Націонализмъ есть то первое и основное, что препятствуетъ Софіи явиться въ жизни народовъ. Поэтому отрѣшеніе отъ націонализма есть то необходимое *отрицательное* условіе, безъ коего

служеніе народа Софіи представляется совершенно невозможнымъ.

Съ этой точки зрѣнія получаютъ яркое освѣщеніе судьбы св. Софіи въ Константинополѣ и связанныя съ нею историческія судьбы Россіи: исторически несомнѣнно, что разрѣшеніе вопроса о проливахъ для Россіи неразрывно связано съ двумя другими вопросами: съ разрѣшеніемъ ея освободительной задачи по отношенію къ другимъ народамъ и съ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда національныхъ вопросовъ въ ея собственныхъ предѣлахъ. Замѣчательно, что эти вопросы ставятся передъ нами всегда одновременно и всегда въ связи одинъ съ другимъ. Наши освободительныя войны съ Турціей всегда ставятъ вопросъ о завладѣніи Константинополемъ, такъ какъ, только завладѣвъ имъ, можно окончательно сокрушить господство турокъ надъ христіанскими народами; поэтому, какъ только жизнь навязываетъ намъ какую-либо освободительную задачу, передъ нами, какъ отдаленная цѣль, уже мелькаетъ куполъ святой Софіи; но съ другой стороны, и то окончательное сокрушеніе турецкаго владычества, которое выражается во взятіи Константинополя, возможно лишь черезъ освобожденіе христіанскихъ народовъ. Связь вопроса о Константинополѣ съ такими національными вопросами, какъ болгарскій, сербскій, греческій и армянскій слишкомъ очевидна чтобы о ней нужно было здѣсь распространяться. Но этого мало, — міровыя событія второй половины девятнадцаго вѣка и первой половины двадцатаго столѣтія обнаружили связь вопроса о Константинополѣ съ національнымъ вопросомъ въ міровомъ его объемѣ и значеніи.

Въ 1878 году нашъ путь въ Константинополь лежалъ черезъ Болгарію. Почему же намъ не было дано его довершить? Вѣдь русская армія стояла у воротъ Константинополя! Что же помѣшало ей туда войти? Если мы вникнемъ въ природу тѣхъ препятствій, которыя задержали намъ побѣдоносное шествіе, мы убѣдимся, что они сводятся, главнымъ образомъ, къ одному,—къ недостаточно широкой постановкѣ нами національнаго вопроса.

Насъ остановила, конечно, не угроза англійскаго флота, прорвавшагося въ Дарданеллы: вѣдь тогда Англія не обладала достаточной арміей для борьбы съ нами; угроза австрійскаго движенія въ тылъ нашей арміи,—безъ сомнѣнія единственная, которая *въ то время* могла представлять для насъ дѣйствительную опасность. Но, если мы вглядимся въ природу этой опасности, мы безъ труда убѣдимся въ томъ, что она создана всецѣло нашими роковыми ошибками и въ особенности—нашимъ участіемъ въ раздѣлѣ Польши. Если бы Россія была центромъ тяготѣнія всего славянскаго міра, если бы въ 1877 году всѣ славяне, какъ южные, такъ и западные, ждали вмѣстѣ съ болгарами отъ Россіи освобожденія, то ни о какой австрійской опасности для насъ не могло бы быть рѣчи; никакое сопротивленіе со стороны Австріи не было бы возможно. Вся сила Австріи держится единственно расколомъ и раздоромъ среди славянскихъ народовъ; прекращеніе этого раздора для Австріи—смертный приговоръ.

И отсюда ясно, что наше соучастіе въ раздѣлѣ Польши, — одно изъ главныхъ препятствій, помѣшавшихъ Россіи вступить въ Константинополь.

Въ 1878 году, послѣ берлинскаго трактата, стало очевидно, что нашъ путь въ Константинополь лежитъ черезъ Австрію и Германію, и что для нанесенія Австріи смертельнаго удара Россія должна возстановить національное единство Польши и примириться съ нею.

Такимъ образомъ, между такими, казалось бы, отдаленными другъ отъ друга и съ перваго взгляда несродными другъ съ другомъ цѣлями, какъ взятіе Константинополя и возрожденіе Польши, существуетъ несомнѣнно логическая и жизненная, историческая связь.

Но вопросъ польскій въ данномъ случаѣ является не болѣе какъ отдѣльнымъ штрихомъ въ величественной міровой картинѣ. Событія настоящей войны доказали какъ нельзя болѣе ясно, что теперь вопросъ о Константинополѣ можетъ быть поставленъ лишь въ связи съ широкой постановкой національнаго вопроса въ его *общеевропейскомъ* объемѣ. Какъ въ 1877 году на нашемъ пути къ Константинополю лежала Болгарія, такъ же точно теперь на этомъ пути намъ не миновать Арменіи, которая также не можетъ быть оставлена подъ турецкимъ владычествомъ: ибо для армянъ это владычество означаетъ періодически повторяющуюся рѣзню. Но этого мало: Константинополь въ настоящее время является однимъ изъ міровыхъ центровъ союза тѣхъ народовъ-хищниковъ, которые живутъ эксплоатаціей и поглощеніемъ другихъ народовъ.

Вопросъ о Константинополѣ ставится теперь въ связи со всеобщимъ возстаніемъ народовъ противъ этого союза угнетателей—Германіи, Австро-Венгріи

и Турціи; и только успѣхъ этого возстанія можетъ открыть Россіи дорогу въ Константинополь; не только возрожденіе Польши, не только освобожденіе Арменіи и защита Сербіи ставится намъ теперь какъ условіе. Возможно, что для той же цѣли намъ придется содѣйствовать національнымъ стремленіямъ Румыніи, Греціи и Италіи, способствовать возстановленію національной цѣлости Болгаріи. А со стороны нашихъ союзниковъ намъ ставится какъ непремѣнное условіе—содѣйствіе освобожденію Бельгіи, безъ чего самое заключеніе мира съ Германіей не представляется возможнымъ, а также, по всей вѣроятности, востановленіе національнаго единства Франціи черезъ возсоединеніе съ нею Эльзаса и Лотарингіи. Едва ли найдется теперь одна такая европейская нація, которая не была бы прямо или косвенно задѣта вопросомъ о Константинополѣ. И теперь, когда рѣшеніе этого вопроса поставлено на очередь,—весь міръ предъявляетъ намъ свои условія, которыя въ общемъ сводятся къ одному—единственному. Народамъ порабощеннымъ мы должны возвратить ихъ родину; другіе, которымъ угрожаетъ порабощеніе, требуютъ отъ насъ заступленія и помощи.

Только въ качествѣ всеобщей освободительницы малыхъ народовъ и заступницы за нихъ Россія можетъ завладѣть Константинополемъ и проливами. Этотъ актъ мыслимъ лишь какъ завершеніе всеобщаго освободительнаго движенія народовъ: только во имя этого всемірнаго освобожденія Россія имѣетъ право вѣнчаться вѣнцомъ Царьграда: иначе народы не примирятся съ ея владычествомъ въ Константинополѣ и тотчасъ возстанутъ противъ него, если онъ *хотя бы временно* осуществится.

Оно и понятно! Въ рукахъ слабой Турціи Константинополь пересталъ быть угрозой безопасности сосѣдей; но въ рукахъ могущественной державы онъ открываетъ возможность господства на міровой аренѣ столь широкой, какъ никакой другой географическій центръ въ мірѣ. Городъ, обладаніе коимъ можетъ превратить Черное море въ русское озеро, сдѣлать Россію великой средиземной державой, дать ей господствующее положеніе по отношенію къ Балканскому полуострову, Малой Азіи и всей вообще восточной части средиземнаго моря, есть воистину *Царьградъ*. Понятно, что такое могущество въ рукахъ Россіи внушаетъ страхъ народамъ; понятно поэтому и то, что народы могутъ примириться съ нимъ только при одномъ условіи. Россія должна сдѣлать что-нибудь, чтобы страхъ смѣнился довѣріемъ.

Отъ *русской* имперіи, утвердившейся въ Константинополѣ, они не должны опасаться порабощенія и поглощенія: наоборотъ, она должна представляться имъ силою дружественною, могущественной покровительницей и защитницей ихъ независимости. Воистину ужасна и для всѣхъ невыносима мысль о томъ, что Константинополь можетъ очутиться въ рукахъ народа-хищника, который напомнитъ Германію, а, можетъ-быть, и превзойдетъ ее своими деспотическими наклонностями по отношенію къ другимъ народамъ. Одной этой мысли было бы достаточно, чтобы вызвать противъ такого народа не только всеобщее возмущеніе, но и всеобщее возстаніе, всемірную коалицію, къ которой примкнули бы и малыя и великія державы. Въ этомъ и заключается основаніе отмѣченной мною исторической связи между

вопросомъ о Константинополѣ и постановкой національнаго вопроса въ его міровомъ значеніи. Одно изъ двухъ,—или наше владычество въ Константинополѣ дѣйствительно будетъ служить великому дѣлу освобожденія народовъ, или оно вовсе не осуществится. *Россія можетъ прійти въ Константинополь только во главѣ всемірнаго освободительнаго движенія народовъ.* И только въ качествѣ державы освободительницы она можетъ въ немъ оставаться.

Тутъ мы имѣемъ разительное доказательство значенія идей въ исторіи. Не для узко-національной эгоистической цѣли, а только во имя сверхнароднаго, общечеловѣческаго смысла Россія можетъ получить въ свое обладаніе Царьградъ и проливы. Для этого она должна побѣдить въ себѣ свой національный эгоизмъ и явить въ себѣ духовную силу высшую по сравненію съ тѣми народами, противъ которыхъ она борется: ибо Царьградъ неотдѣлимъ отъ *идеи* христіанскаго царства; въ силу своего центральнаго, господствующаго положенія онъ служитъ средоточіемъ разнообразныхъ страховъ и надеждъ народовъ. Такъ или иначе, онъ долженъ послужить не деспотическому господству одного народа надъ другими, а всему міру, всему человѣчеству. Русскій Царьградъ мыслимъ лишь какъ центръ, вокругъ котораго группируются свободные народы: иначе онъ обреченъ на гибель. Ибо съ того момента, когда онъ начнетъ угрожать независимости своихъ сосѣдей, общая для всѣхъ опасность вызоветъ и всеобщую коалицію, которая можетъ привести къ роковому, трагическому для насъ концу.

Такова связь вопроса о Царьградѣ съ освободительной миссіей Россіи. Но эта освободительная миссія представляетъ собой одну лишь сторону той болѣе широкой культурной и общественной задачи, которая въ русскомъ религіозномъ сознаніи связывается съ образомъ Софіи. Сама по себѣ свобода человѣка или народа не есть цѣль, а средство; только вѣра въ безусловное, *царственное* достоинство человѣка сообщаетъ смыслъ освободительной борьбѣ и въ частности — освободительнымъ войнамъ.—Но именно этотъ царственный вѣнецъ человѣка и человѣчества и есть то, что наше религіозное сознаніе находитъ и утверждаетъ въ Софіи. Этотъ вѣчный замыселъ Божій о человѣкѣ и о человѣчествѣ и есть то самое, во имя чего человѣкъ достоинъ быть свободнымъ.

Осуществленіе свободы во взаимныхъ отношеніяхъ людей и народовъ еще не есть осуществленіе Софіи: ибо освободить еще не значитъ внутренно объединить. Освобожденные народы могутъ оставаться внутренне чужды другъ другу; они могутъ пользоваться своей свободой какъ для добра, такъ и для зла. И, стало-быть, въ своей жизни они могутъ быть безконечно далеки отъ того первообраза единаго, цѣлостнаго и совершеннаго человѣчества, который носится передъ религіознымъ сознаніемъ во образѣ Софіи

И тѣмъ не менѣе нетрудно понять—почему въ народномъ служеніи Софіи борьба за освобожденіе народовъ является непремѣннымъ условіемъ, необходимой, хотя бы и низшей, *предварительной* ступенью.

«Софія» есть образъ Божій въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ. Кто носитъ въ душѣ своей этотъ царственный образъ, кто видитъ его въ каждомъ человѣкѣ и въ каждомъ народѣ,—тотъ не выноситъ никакого умаленія человѣческаго достоинства: всякое глумленіе и издѣвательство надъ человѣкомъ или надъ народомъ, всякое порабощеніе его и всякая жестокость, изобличающая непризнаніе его духовной личности, вызываетъ въ душѣ, преданной Софіи, праведный гнѣвъ и великую любовь, — великую готовность жертвовать собою для другихъ. Если въ насъ живутъ эти два чувства, если ради нихъ Россія терпитъ великія страданія и совершаетъ великіе подвиги,—въ этомъ первый признакъ того, что въ душѣ своей она воздвигла алтарь Софіи; и въ этомъ—нѣкоторое основаніе надѣяться, что ея усилія—возстановить этотъ алтарь и сдѣлать его явнымъ передъ лицомъ всего міра въ Царьградѣ—увѣнчаются успѣхомъ.

Для овладѣнія Константинополемъ и его святыней отъ русскаго народа требуются не только великіе подвиги и жертвы: для этого нужно еще и нѣкоторое внутреннее духовное очищеніе. Полное устраненіе противорѣчій между нашей жизнью и тѣмъ образомъ Божіимъ, которому мы служимъ, разумѣется, невозможно. Но для того, чтобы Россіи было дано прославить ликъ св. Софіи,—явить его не только самой себѣ, но и другимъ,—отъ нея требуется нѣкоторый внутренній сдвигъ, направленный къ устраненію противорѣчія. Совершается ли онъ въ нашей жизни?

Говорить объ очищеніи уже совершившемся было бы безумною и преступной гордостью; но есть нѣкоторыя указанія на то, что оно начинаетъ совер-

шаться. Во всякомъ случаѣ — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть замѣтная разница между Россіей современной и той, которая въ 1878 году остановилась у воротъ Царьграда. Та Россія находилась во власти двухъ смертельныхъ враговъ образа Божія въ человѣкѣ — звѣрообразнаго національнизма и кабака. Теперь, слава Богу, мы находимся на пути къ освобожденію отъ этихъ двухъ тирановъ.

Въ прошломъ году у насъ было одно хорошее душевное движеніе. Устами присяжныхъ засѣдателей русская народная совѣсть смыла съ себя тяжкій грѣхъ человѣконенавистничества. Не даромъ вѣсть объ этомъ великомъ актѣ правосудія вызывала радостныя слезы; не даромъ знакомые, сообщая радостную вѣсть одинъ другому, — цѣловались и поздравляли другъ друга. Россія торжественно признала человѣческое достоинство народа, родившаго Христа, почувствовала его человѣческую душу. И вотъ почему приговоръ присяжныхъ для нея самой прозвучалъ какъ оправданіе: въ немъ она нашла свое духовное омовеніе.

Прошелъ годъ, и мы совершили еще шагъ въ томъ же направленіи. Русская народная совѣсть осудила свой историческій грѣхъ по отношенію къ братскому народу: въ дни духовнаго подъема освободительной войны раздались вдохновенныя слова Верховнаго Главнокомандующаго, призвавшаго Россію воскресить растерзанное на части тѣло Польши. Въ 1878 году мы упустили это сдѣлать: принеся даръ свой къ алтарю св. Софіи, мы забыли, что возлагающій даръ свой на алтарь долженъ сначала примириться съ братомъ своимъ, и даръ нашъ былъ отвергнутъ. И вотъ теперь, когда мы сдѣлали шагъ

къ примиренію и пролили нашу кровь за Польшу, будемъ надѣяться, что онъ будетъ принятъ.

И наконецъ, еще третій, великій сдвигъ въ народной жизни. Россія перестала пить. Прежде въ праздничные дни на площадяхъ и улицахъ господствовалъ образъ звѣриный: слышались дикіе, нечеловѣческіе крики, совершались оргіи, изъ коихъ рождались преступленія, и на пьянствѣ народномъ основывался самый нашъ бюджетъ. Какъ могла *пьяная* Россія взяться за великій подвигъ религіознаго служенія!

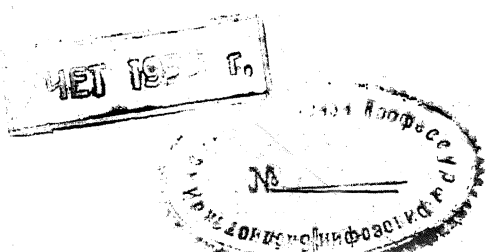
Къ великому нашему счастью и отъ этого зла избавилъ Богъ Россію. Пьяныхъ мы поприбрали, кабаки мы закрыли, а пьяный бюджетъ, осужденный съ высоты престола, провалился навсегда!

Но все это, конечно, лишь капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, къ чему обязываетъ Россію ея великое служеніе. Кто созерцаетъ хоть издали Софію, какъ цѣль своего странствованія, тотъ естественно смотритъ на нее съ чувствомъ человѣка, который не имѣетъ одежды, чтобы войти въ чертогъ брачный.

И все-таки душа полна надежды, что рано или поздно мы овладѣемъ нашей святыней. И въ этой надеждѣ утверждаетъ насъ все то, что мы слышимъ о великихъ подвигахъ на полѣ брани. Одинъ видный общественный дѣятель, недавно вернувшійся въ Москву изъ Галиціи и Польши, такъ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія. «Если вы сомнѣваетесь въ Россіи, уѣзжайте изъ тыла арміи и ступайте въ окопы. Тамъ не сомнѣваются. Тамъ нѣтъ ни генераловъ, ни офицеровъ, ни солдатъ. Тамъ есть только сѣрая толпа мужиковъ, одинаково одѣтыхъ, одинаково бодрыхъ и одинаково готовыхъ умереть за то, что свято».

Мой собесѣдникъ былъ правъ. Передъ лицомъ смерти люди, конечно, безконечно глубже насъ чувствуютъ все то, за что стоитъ жить и умереть. И то великое, что объединяетъ въ одно цѣлое народную Россію, тамъ выступаетъ безконечно живѣе, ярче и наглядиѣе, чѣмъ у насъ. Тамъ становится явною для всѣхъ та *святыня*, ради которой люди могутъ не ѣсть, не пить, переходить по горло въ водѣ обледянѣвшія рѣки, жертвовать жизнью и одерживать побѣды духа надъ германской техникой. И мы знаемъ, какова та святыня, которая совершаетъ эти чудеса. Когда представляешь себѣ эту многомилліонную сѣрую массу, становится яснымъ, что святыня эта у всѣхъ одна — та самая, о которой пѣли русскіе крестьяне въ Босфорѣ у преддверія св. Софіи.

Рано или поздно эта пѣснь раздастся въ самомъ храмѣ. Сама святая Софія, живая въ душѣ народной, приведетъ туда русскія рати. Тогда гимнъ свѣтлаго Христова воскресенья возвѣститъ великій праздникъ освобожденія народовъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1) **Смыслъ войны.** Цѣна **30** коп.

Москва, книгоиздательство «ПУТЬ», Новинскій бульваръ, 103.

2) **Война и міровая задача Россіи.** Цѣна **20** коп.

Цѣна 20 коп.